DOI: 10.31425/0042-8795-2019-6-151-157

«Мысль разрешить»: памяти Карена Степаняна

Татьяна Александровна Касаткина

доктор филологических наук

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а;
email: info@imli.ru)

Аннотация. Воспоминания Т. Касаткиной о К. Степаняне – это воспоминания об исследовательской и человеческой стратегии Степаняна; о том, чем он руководствовался, создавая альманах «Достоевский и мировая культура», и о том, что для него было особенно важно в подходе к анализу произведений Достоевского.

Ключевые слова: К. Степанян, Ф. Достоевский, М. Бахтин, альманах «Достоевский и мировая культура».

Статья поступила 07.07.2019.
© 2019, Т. А. Касаткина

DOI: 10.31425/0042-8795-2019-6-151-157

'Haunted by a great, unsolved doubt': in memoriam Karen Stepanyan

Tatiana A. Kasatkina

Doctor of Philology

A. M. Gorky Institute of the World Literature of the RAS
(25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia;
email: info@imli.ru)

Abstract: T. Kasatkina's reminiscences of K. Stepanyan discuss his strategies as a researcher and a human being; she describes his principles behind launching the almanac *Dostoevsky and World Culture* [*Dostoevsky i mirovaya kultura*] and his priorities for research and analysis of Dostoevsky's oeuvre. According to Kasatkina, the decision to publish the almanac was initially driven by Stepanyan's ambition, but turned out to be an exercise in humility, recognition of the value of other scholars, and the ability to take on a supporting role. It was exactly this skill –appreciation of another person's value (the value of their work, opinion, and line of thought) – that shows in the books of his later years, with their astonishing bibliographies, and the ability of scholarly thought to develop into a dialogue with numerous others, without losing its unique determination and consistency. Here, Kasatkina believes, lies the solution of the truly Christian problem, which often features in Dostoevsky's works, and therefore, shows faithfulness to one's own principles, the principles of Christian interaction with reality and scholarship.

Keywords: K. Stepanyan, F. Dostoevsky, M. Bakhtin, *Dostoevsky and World Culture* [*Dostoevsky i mirovaya kultura*].

The article was received on 7 July 2019.
© 2019, T. A. Kasatkina

Я знала Карена чуть более тридцати лет. Первым — и, может быть, главным — нашим совместным делом было создание альманаха «Достоевский и мировая культура», издание которого стало делом жизни Карена. Инициатива в нем целиком принадлежала Карену и, на первый взгляд, была делом случая: начались 1990-е, из области филологических наук исчезли деньги, а у него была статья в уже собранном, но так и не опубликованном сборнике о Достоевском, редактор-составитель которого (Вл. Этов) понял, что уже никогда его не издаст.

Но на самом деле за этой случайностью стояла глубокая мечта Карена, доосуществившаяся только в самый последний год его жизни: Карен хотел создать периодическое (не ежемесячное, но выходящее 3–4 раза в год) научное и творческое издание, посвященное Достоевскому, которое сразу про себя назвал «альманахом». От меня там была только поддержка, необходимая ему, чтобы не чувствовать себя одиноко взвалившим на себя непосильную ношу (которую никто не подхватит, если она начнет падать из рук), согласие войти в редколлегию и активно участвовать в составлении номеров и обещание писать (или переводить) в каждый номер до тех пор, пока это будет нужно. И мы пошли разговаривать с Беллой Нуриевной Рыбалко, директором ленинградского Музея-квартиры Ф. М. Достоевского, человеком сложным, глубоким — и широкой щедрой души. И она — и пятнадцати минут не проговорили — сказала: деньги будут, готовьте номер. Получились три белые, без оформления, книжечки... Это было начало альманаха «Достоевский и мировая культура».

С тех пор издание шло по-разному, но никогда не прекращалось, даже в самые трудные времена: сначала по два номера в год, потом еле-еле по одному, потом снова по два, но готовившихся разными редакторами и финансировавшихся из разных источников: Кареном в Москве, Борисом Тихомировым в Питере. Карен нашел издателя и друга (Станислава Корнеева, сейчас директора издательства «Раритет»), влюбленного в Достоевского, и они вместе работали — себе в материальный ущерб, почти всегда в состоянии поиска денег на очередной выпуск.

В последний же год, начав издавать журнал в ИМЛИ, он, всегда желавший заниматься журналом в основное рабочее время, а не как «любитель», даже решился полностью перейти туда из «Знамени», освободив свой знаменский кабинет накануне дня, в который попал в больницу, где в тот же день и умер. Все же — так и умер «любителем», влюбленным в свое дело, отдавшим ему гораздо больше, чем оно смогло ему вернуть теми ценностями, что годятся для здешней жизни.

Карен начинал издание отчасти (от очень большой части) из честолюбия и желания выйти на первый план — а оно оказалось долгим путем смирения, осознания ценности другого и умения становиться вторым.

Эта наработанная способность — видеть *ценность другого* (труда другого, взгляда другого, поворота мысли другого) — отразилась и в его книгах последних лет, в их огромной библиографии, в способности исследовательской мысли развиваться в собеседовании с многими другими, — но при этом ни на миг не теряя собственной устремленности и последовательности.

При том что Карен видел себя именно ученым, научное творчество было для него совершенно неотделимо от человеческого становления. Его научное творчество совершалось всегда под знаком «мысль разрешить», очень *личную* мысль разрешить — ибо именно и только те вещи, которые больше всего волновали Карена в связи с его человеческим, духовным ростом, становились темами его книг. Я бы даже сказала, что в центре его последних книг оказались именно те герои (Гамлет и Дон-Кихот) с которыми он исходно, первоначально больше всего себя отождествлял — и поэтому он больше всего с ними «боролся», их «развенчивал», проявлял скрытое негативное, таящееся за сияющим фасадом многовековых восприятий: потому что знал, насколько оно опасно и «вовлекательно» для молодого читателя, — знал на своем собственном опыте, иногда страшном и сокрушительном.

На вечере, посвященном памяти Карена, в ноябре 2018 года в Доме-музее Достоевского в Москве, В. Захаров задал вопрос, на который не находил для себя ответа: почему в названии книги Карена кроме Достоевского и Шекспира есть еще и Бахтин[1]? Позволю себе высказать догадку, которую я не могу сейчас обосновать, но мне кажется, что она очень соответствует ходу мыслей Карена.

Мне кажется, что для него очень важно было подчеркнуть принципиальное равенство творца «второго порядка», то есть исследователя великих произведений искусства, самим этим произведениям искусства и их творцам. Равенство того, кто доносит смыслы, кто выполняет роль проводника к читателю тех смыслов, которые, возможно, без него, без его долгого и кропотливого труда перечитывания и переосмысления не могли бы быть открыты и явлены тем из читателей, кто не имеет достаточного времени и навыков для взаимодействия с текстом и его контекстом. «Служебное» равенство исследователя, который

1 См.: [Степанян 2016].

становится посредником между автором и читателем просто за счет того, что он гораздо пристальнее, гораздо дольше ходит по путям автора — и поэтому может повести за собой тех читателей, которые только что постучались в эти двери и которым не отпущено долгого времени для хождения по этим путям, с тем, чтобы все богатство, предложенное автором, освоить в полноте. У которых часто нет времени даже для того, чтобы отличить автора от героя — и пойти не за героем, а за автором.

И вот для Карена, в самой глубине сердца, мне кажется, было очень важно отметить и утвердить равнозначность того, кто творит, тому, кто берет за руку читателя и ведет его к самым глубинным смыслам сотворенного. Но при этом так же, как и творец, может ошибиться и уклониться. Он сам все время хотел быть тем человеком, что помогает проходить по глубинным путям людям, у которых нет времени и возможностей сделать это самостоятельно, людям, которые нуждаются в помощи. Он сам хотел быть «путеводителем». Поэтому он и писал «Путеводители» по текстам Достоевского[2].

Но он хотел быть путеводителем не только к смыслам исследуемых текстов; он хотел быть путеводителем на дороге жизни — потому что не только *прозревал* глубокие смыслы этих авторов, но с ними и *спорил*, причем как с исследователями, так и с самими авторами. Он никогда не видел исследовательскую деятельность как исключительно исследовательскую, она всегда совпадала для него не столько с преподавательской, сколько с *учительской* деятельностью. Для него, как уже было сказано, важно было «мысль разрешить», и поэтому он шел за мыслью, иногда противореча тому автору, которого он исследовал, потому что мысль была — главное, потому что автор, как ему казалось, мог пойти не тем путем, уклониться от истинного пути мысли и разрешения ее. А для него именно захватившая его мысль была очень важна, и он готов был ее прояснять и преследовать. Преследовать, даже вступая в конфликт с автором, о котором писал.

Научное творчество Карена — это, таким образом, совсем особое творчество, оно всегда претендовало на большее, чем быть просто исследованием. Оно претендовало, если можно так сказать, быть наукой правильной жизни.

Карен долгое время был национальным представителем России в Международном обществе Достоевского — и в этом качестве

2 См.: [Степанян 2014; Степанян 2018].

он сделал очень много хорошего, доброго и полезного для многих наших товарищей-достоевистов. Он был очень мягок, терпелив, внимателен и предупредителен с людьми, он буквально нянчился с ними, словно пытаясь осуществить завет старца Зосимы: «За людьми сплошь надо как за детьми ходить, а за иными как за больными в больницах». Но давалось ему это не всегда просто, это не было его естественным состоянием, это было его намеренным и осознанным действием — он совсем не был свободен от раздражения, от очень жестких внутренних оценок тех, с кем он сталкивался, от отчаяния. От самого тяжелого отчаяния. И я не знаю, перестал ли он переживать ту черную «ночь души», которая очень долго длилась для него. Но, с другой стороны, мать Тереза тоже двадцать лет прожила в этой «ночи души», в отчаянии, в постоянном внутреннем раздражении на окружающих. И это не умаляет того света, который она в это же время несла в мир для других.

Можно сказать, что путь Карена был путем человека, который каким-то последним усилием всего своего существа, еще не вполне готовый к этому (а может быть, к этому и нельзя быть вполне готовым), тем не менее пытается осуществлять самую важную человеческую задачу, о которой наиболее прямо в своем творчестве Достоевский сказал в двух романах: в «Идиоте» и в «Братьях Карамазовых» — и, судя по всему, это действительно была для Достоевского главная задача человеческого бытия и становления, а именно — *стать вторым*.

Потому что Карен всегда хотел быть первым. Но всегда, последним усилием воли, заставлял себя стать вторым по отношению к любому, с кем он вступал в отношения. И он выбрал себе работу, которая всецело соответствовала этому стремлению — ибо главная вещь для редактора — стать вторым по отношению к автору текста.

А ведь стать вторым — это по-настоящему великая вещь, потому что это, может быть, для нас единственно возможный способ действительного следования за Христом. Потому что, как Достоевский достаточно прямо показывает — и об этом достаточно внятно сказал М. Бахтин в своей идее «полифонии»,— мы все, просто по факту рождения, *первые*. Мы все — цари, «род избранный, царственное священство» (1 Пет. 2:9), для нас первое место обеспечено просто нашим вхождением в бытие — ибо мы все *протагонисты нашей собственной жизни*. В конце концов, всемирную историю можно описать так, что вся она сойдется к нам — и вся от нас разойдется, измененная нашим пришествием в мир. Можно сказать, что Столетняя война произошла для того, чтобы твоя пра-пра-пра-прабабушка и твой пра-пра-пра-прадедушка имели шанс встретиться. И это верно — для каждого.

И тогда — в чем наша исключительность, наша великость? Откуда она может взяться, в чем проявиться? Эта исключительность, великость проявляется, когда мы становимся вторым в чьей-то еще жизни. Когда мы выходим *за пределы* той *нашей* жизни, в которой мы протагонисты, в которой мы первые. То есть — *превосходим* себя, превосходим свою историю, становимся необходимыми участниками других историй в качестве *второго*, помогающего протагонисту осуществиться во всей мыслимой полноте.

И чем в большем количестве жизней нам удалось стать вторыми, тем больше мы повлияли на все движение человеческой истории, на общечеловеческое движение к своему становлению в идеальной форме. Об этой задаче — стать *вторым* — Христос говорит как о цели Своего собственного пришествия: «Не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Мф. 20:28). По Достоевскому, Христос пришел, чтобы послужить каждому, кто позовет Его в область своей жизни. А Карен прежде всего в своей жизни стремился быть христианином — то есть следовать за Христом.

И вот это «стать вторым», «послужить» страшными усилиями, почти насилием над своей природой, тем не менее всегда удавалось Карену. А здесь, я думаю, чем больше усилие — тем больше заслуга.

Литература

Степанян К. А. Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Учебное пособие. М.: МГУ, 2014.

Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский. Герои и авторы в большом времени. М.: Глобал Ком; Языки славянских культур, 2016.

Степанян К. А. Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Учебное пособие. М.: МГУ, 2018.

References

Stepanyan, K. (2014). *A guide to F. Dostoevsky's novel 'Crime and Punishment'* [*'Prestuplenie i nakazanie'*]. *A study guide*. Moscow: MGU. (In Russ.)

Stepanyan, K. (2016). *Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky. Characters and authors in 'the great time'*. Moscow: Global Com; Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.)

Stepanyan, K. (2018). *A guide to F. Dostoevsky's novel 'The Brothers Karamazov'* [*'Bratia Karamazovy'*]. *A study guide*. Moscow: MGU. (In Russ.)